ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Зингис Кристины Александровны на тему «Пресса раннего ГУЛАГа (1924–1941 годы): газеты “Новые Соловки” и “Перековка” (сравнительный контент-анализ)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 — Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Исследования ГУЛАГа как одного из специфических институтов, созданных в рамках так называемого советского проекта, долгое время являлись одной из приоритетных тем отечественной историографии постсоветского периода. В какой-то момент даже возникла иллюзия, что тема эта практически изучена и что профессиональное сообщество отечественных историков от нее устало. Кроме того, ГУЛАГ как объект специального научного интереса быстро «побледнел» на фоне изменения самого подхода к исследованию советского прошлого. Изменение это было связано с отказом от трактовок советского опыта в рамках жесткой дихотомии «власть — народ» и очевидным дрейфом сначала зарубежной, а затем и отечественной историографии в сторону рассмотрения всего советского как суммы действий/взаимодействий/противодействий самых разных исторических акторов, как массовидных, так и индивидуализированных. Ставшие классическими в связи с этим работы зарубежных и российских специалистов также способствовали концу эпохи так называемой нейтральной истории (см.: Хлевнюк Д. Конец нейтральной истории // InLiberty: Устройство свободы. 2017. 15 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://old.inliberty.ru/blog/2576-Konec-neytralnoy-istorii (дата обращения: 20.02.2024), актуализировав проблему перехода в изучении советского прошлого от стадии накопления материала к стадии его вдумчивого анализа.

Эта стадия — стадия вдумчивого анализа источников по истории советского прошлого, из которого никак не получится исключить историю ГУЛАГа, — пока еще не закончилась, в связи с чем появление диссертационного исследования Зингис Кристины Александровны на тему «Пресса раннего ГУЛАГа (1924–1941 годы):

газеты “Новые Соловки” и “Перековка” (сравнительный контент-анализ)» стоит только приветствовать.

Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с диссертацией, — это ее название, которое обещает многомерное исследование заявленной тематики. Многосложная цель исследования укрепляет эту надежду, равно как его задачи. Так, целью исследования является проведение на основании осуществленного контент-анализа статей лагерных периодических изданий и корпуса эго-документов бывших узников реконструкции приемов освещения вопросов лагерной жизни и особенностей трансформации взглядов руководства страны на цели пенитенциарных учреждений, на возможность эксплуатации заключенных для строительства нового государства и формирования «нового советского человека» из осужденных и асоциальных элементов. (с. 7).

Историографическая часть диссертации оформлена в виде отдельной главы и четко структурирована на разделы, в которых последовательно рассмотрены: историография исследований, посвященных Соловецкому лагерю особого назначения; историография исследований, посвященных Беломорско-Балтийскому и Дмитровскому лагерям; историография применения контент-анализа при работе с материалами прессы и массивами эго-документов (с. 47–79). Автор справедливо отмечает, что история СЛОНа изучена сравнительно хорошо, тогда как лагерная пресса значительно реже становилась самостоятельным объектом исследования, а вопросы преемственности культурных пространств трёх лагерных систем и вовсе практически не рассматривались. Историография контент-анализа свидетельствует о широких возможностях метода, однако опыт его применения к эго-документам остаётся ограниченным. К.А. Зингис констатирует, что практически отсутствуют исследования, в которых материалы подцензурной лагерной прессы и воспоминания заключённых одновременно анализировались бы формализованными методами и сопоставлялись между собой.

Источниковую основу диссертации составляют подшивки газет «Новые Соловки» и «Перековка». Кроме того, в исследовании использованы мемуарные свидетельства узников ГУЛАГа, партийно-правительственные документы, а также

публицистические тексты. Источники адекватны цели и задачам: они позволяют сопоставить официальный дискурс и личный опыт, проследить динамику содержания газет и выявить разрывы между пропагандой и реальностью. При этом важно, что автор не ограничивается выборочным анализом, а стремится к созданию полнотекстовых баз данных.

Что касается инструментов, которые использованы в диссертации, то прежде всего методы, многократно апробированные в рамках различных исторических исследований (историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный) и в данном случае сочетающиеся с формализованным компьютеризированным контент-анализом. Использование программы MAXQDA для кодирования, частотного анализа, визуализации и построения матриц совместной встречаемости категорий, а также сетевого анализа в UCINET и NetDraw является современным и релевантным задачам исследования инструментарием. Принципиально важным представляется решение использовать матрицу пересечения для газет (обладающих высокой информационной плотностью) и матрицу близости для мемуаров (с их низкой плотностью и ассоциативной структурой). Это методологическое различие учитывает специфику источников и позволяет избежать механического переноса количественных процедур.

Прежде чем отметить содержательно важные выводы К.А. Зингис, следует подчеркнуть, что автор диссертации не ограничивается констатацией частот встречаемости тех или иных категорий, а интерпретирует их связи, использует инструменты визуализации (диаграммы, графы, облака тегов) и возвращается к контекстам. Работа К.А. Зингис тем самым наглядно демонстрирует, как формализованный анализ может подтвердить и уточнить интуитивные наблюдения, а также выявить неявные и/или скрытые закономерности.

Главным итогом исследования К.А. Зингис, на мой взгляд, стало прежде всего эмпирическое доказательство через формализованный анализ источников того, что лагерная пресса постепенно эволюционировала, утрачивая свой культурно-просветительский смысл и обретая все большую и большую производственно-мобилизационную направленность. Этот вывод видится вполне логичным и

закономерным на фоне другого аргументированного заключения – заключения о том, что между Соловецким лагерем особого назначения, Беломорско-Балтийским и Дмитровским лагерями и их культурными пространствами явно существовала преемственность (с. 228). «Эта преемственность, – отмечает К.А. Зингис, – проявлялась в организации лагерной жизни, функционировании печатных органов, а также в идеях и смыслах, транслировавшихся заключенным. Газета "Перековка" продолжила традицию лагерной печати, сформировавшуюся на Соловках, уже в иных условиях и с другими задачами, поскольку строительство каналов имело огромное идеологическое и репутационное значение для молодого государства» (с. 228–229). И если в «Новых Соловках» ещё сохранялись элементы культурно-просветительского начала, то «Перековка» представляет собой зрелую форму лагерной пропаганды, полностью встроенную в производственно-административную вертикаль. При этом «Перековка», экспонируя отсутствие содержательной динамики, демонстрирует еще и тот факт, что любые категории, формально не связанные с трудом и производством, – «Пропаганда», «Культпросвет/Перековка», «Пресса», «Люди», «Женщины», «Религия», – в конечном итоге стали вспомогательными. Тем самым «Перековка» формирует «представление о заключённом не как о человеке, а как о ресурсе, чья ценность измеряется нормами выработки и процентом перевыполнения плана» (с. 198).

Среди замечаний и наблюдений, сделанных К.А. Зингис в процессе изучения лагерной прессы, наиболее важными также видятся замечания и наблюдения об ее особом внимании к решению «женского вопроса». «"Не дели работу на мужскую и женскую! У нас общее дело – строительство социализма!" Такова была установка партийного руководства, стремящегося к формированию новой роли женщины в обществе», – подмечает К.А. Зингис, обращаясь к материалам «Новых Соловков» (с. 128). «Перековка» при этом все-таки фиксирует особое отношение к женщинам-заключенным: «Понимая, что гендерные различия все равно имеют место, к женщинам обращались отдельно, призывая их отбросить пережитки прошлого и бороться наравне с мужчинами за достижение новых идеалов. […] Для женщин в лагерях создавались особые артели, коллективы, брались отдельные обязательства.

[…] Достаточно часто встречаются статьи, посвященные женщинам-руководителям, заметки о перевоспитании бывших марух и проституток в ударницы» (с. 179). Вместе с тем, главный посыл лагерной прессы применительно к женщинам оставался неизменным: «Категория "Женщины" отражает процесс вовлечения заключённых-женщин в производственную сферу наравне с мужчинами, под лозунгами освобождения от "рабства быта"» (с. 199).

Не менее примечательны те выводы К.А. Зингис, которые касаются сравнительного контент-анализа подцензурной лагерной прессы и мемуаров, созданных бывшими заключенными. Сравнение показало, что «газеты и мемуары описывают разные стороны одной и той же системы. Газеты – это фасад, создающий образ порядка, труда и воспитания; мемуары – свидетельства внутренней, скрытой стороны этого мира, наполненного страданием, страхом и насилием» (с. 225).

К.А. Зингис, однако, явно недооценивает значимости своего вывода о том, что в мемуарах, как и в лагерных изданиях, наиболее частотными также оказались категории, связанные с трудом ("Работа" и "Каторжные работы"), совокупно составляющие до четверти всех смысловых единиц. Между тем, это наблюдение не только подтверждает тезис о центральной роли труда в лагере (с. 176). Он фиксирует, что труд, будучи одновременно и инструментом власти, и опытом выживания, фундировал единство лагерной системы. Развивая мысль об этом единстве, нетрудно прийти к выводу о том, что диссертация К.А. Зингис есть не что иное, как эмпирическое подтверждение концепции дисциплинарной власти, занимающей центральное место в книге «Надзирать и наказывать» Мишеля Фуко (см.: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.). Лагерная газета, будь то «Новые Соловки» или «Перековка», действительно не была отражением реальности. Однако именно лагерная газета была инструментом ее производства, транслируя дисциплинарную технологию производства «послушных тел», фукианскую дисциплинарную власть со всеми необходимыми ей компонентами. Контент-анализ показывает, что и «Новые Соловки», и «Перековка» пишут главным образом о труде не просто потому, что труд был экономической необходимостью, – *труд был*

главным инструментом нормализующего суждения: газета создавала норму (ударник, стахановец) и клеймила отклонение (симлод, отказчик), работая как паноптический механизм, где лагкоры доносили, редакция «рассылала на расследование» письма (28–30 %, с. 105), а каждый заключённый знал, что за ним наблюдают. Мемуары же, в свою очередь, фиксируют то, что М. Фуко назвал бы сопротивлением: тот же труд, но описанный как каторга и уничтожение – контр-дискурс, разрушающий официальную картину. Таким образом, диссертация К.А. Зингис показывает, что лагерные газеты и мемуары бывших заключенных не просто говорят об одном и том же (о труде) с противоположных позиций: тогда как лагерная пресса производит власть через знание, мемуаристика свидетельствует о теле, страдании и выживании, которые не вписываются в официальный дискурс.

Переходя к замечаниям, которых накопилось достаточно, чтобы составить примерно треть настоящего отзыва, следует сразу оговориться, что они не подрывают основных выводов диссертанта, но безусловно требуют внимания.

Первое существенное замечание касается хронологических рамок исследования. В заголовке диссертации они связаны с такой характеристикой, как «ранний ГУЛАГ» и обозначены как 1924–1941 годы. Однако на с. 16 диссертации часть этого периода, а именно 1930–1937 годы, увязана с таким понятием, как «зрелая система ГУЛАГа». В разделе же работы, посвященном ее временным рамкам, речь идет прежде всего о периоде «оперативного использования» основополагающих для диссертации источников – газет «Новые Соловки» и «Перековка». Все это оставляет отрытым вопрос о том, на какие критерии определения хронологических рамок опирался диссертант.

Открытость этого вопроса напрямую коррелирует со вторым существенным замечанием, связанным с нарочито узкоспециальным интересом К.А. Зингис к истории двух конкретных лагерных газет, аффилированных с тремя лагерными системами ГУЛАГа. Именно поэтому, очевидно, узкоспециальной оказалась и историография, которая используется автором. Как результат мимо его внимания прошли огромные пласты специальной литературы, посвященной не только ГУЛАГу, но и советскому проекту в целом, – литературы, обращение к которой, как

мне кажется, позволило бы диссертанту не просто выйти за рамки окказионально значимых умозаключений, но и повысить методологическую культуру своего исследования.

Дефицитность этой культуры – третье существенное замечание, которое нельзя не сделать. К.А. Зингис проговаривает лишь методы, которые были использованы в диссертации. Что касается ее общей теоретической рамки, то она как таковая отсутствует, при том что употребление автором таких понятий, как дискурс, смысловое поле, культурное пространство, семантические тренды и др., указывает на то, что такая рамка у диссертации все-таки есть, хотя она так и осталась не объективированной.

Следующее замечание диктуется явной асимметричностью источниковой базы исследования. Привлеченные диссертантом источники мемуарного характера оказались ограничены только воспоминаниями узников Соловецкого лагеря, тогда как газета «Перековка» издавалась в Беломорско-Балтийском и Дмитровском лагерях. Это создаёт очевидную методологическую трудность: сравнение официального дискурса «Перековки» с соловецкими эго-документами может быть продуктивно для выявления контраста между пропагандой и реальностью, но не позволяет судить о том, как воспринимали «Перековку» её непосредственные читатели – каналоармейцы БелБалтЛага и Дмитлага.

Вопросы также вызывает авторское понимание существа источниковедческой критики. Эту проблему в полный рост обозначает параграф работы, озаглавленный как «Источниковедческий анализ воспоминаний заключенных Соловецкого лагеря». К сожалению, анализ здесь подменяется простым перечислением и аннотированием. Текст представляет собой механическую череду биографических справок и кратких пересказов содержания мемуаров, следующих друг за другом без всякой методологической рефлексии. Ни происхождение, ни степень достоверности, ни репрезентативность мемуарных источников диссертантом никак не оговариваются; мемуары, записанные по горячим следам и созданные десятилетия спустя, никак не разграничиваются; не анализируется влияние эмигрантского контекста, идеологической позиции и личной судьбы автора на характер повествования; не

проводится сопоставительная критика текстов, не выявляются их противоречия и лакуны. По сути, читателю предлагается компилятивно-реферативный обзор, где нет ни проблематизации, ни верификации, ни интерпретации.

Последнее замечание касается обоснованности и прозрачности процедур контент-анализа, который является основой работы. Нельзя не заметить, что предложенные К.А. Зингис категории не является взаимоисключающими: такие пары, как «Работа» и «Каторжные работы», «Промышленность» и «Строительство», «Культура» и «Культпросвет» частично пересекаются, что создаёт риск завышения одних показателей и занижения других. При этом в работе не показано, как автором проверялась взаимоисключаемость категорий и насколько результаты исследования устойчивы к изменению границ между ними. Кроме того, отмечу, что матрицы совместной встречаемости и сетевые графы, представленные в работе, носят преимущественно описательный характер, в связи с чем статистическая оценка значимости связей становится труднодостижимой, что, наверное, следовало бы обозначить как неизбежное методологическое ограничение.

Несмотря на эти замечания, диссертация К.А. Зингис может рассматриваться как заметный вклад в изучение лагерной прессы и истории ГУЛАГа в целом. Апробацию работы в шести публикациях, включая публикации в четырёх рецензируемых изданиях, следует признать убедительной.

Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию.

Диссертация К.А. Зингис отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Зингис Кристина Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук, директор
Института гуманитарных и социальных
наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный
университет имени Иммануила Канта»
(БФУ им. И. Канта)

Суржикова Наталья Викторовна

Контактные данные:
тел.: +7(4012)59-55-95#2505, e-mail: nvsurzhikova@kantiana.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 07.00.02 — Отечественная история

Адрес места работы: 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14
тел.: +7(4012)59-55-00, e-mail: post@kantiana.ru

Подпись Суржиковой Н.В. заверяю:

02 10 2026